

УДК 1(091)

ФЕНОМЕН ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ КАК ОСНОВА ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ Р.ДЖ. КОЛЛИНГВУДА

А.А. Аванесян

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Теория познания прошлого, предложенная Р.Дж. Коллингвудом, развивает неогегельянскую традицию осмысления истории. Возможность рационального анализа событий прошлого в этом подходе фундируется способностью к рефлексии, что позволяет сформулировать стратегию «вопроса и ответа», а также проблемную методологию исторической науки. Такого рода методология исторического исследования сочетается в теории Коллингвуда с принципом априорного воображения, что позволяет говорить о целостности познания прошлого, возможности взаимосвязанного рассказа о прошлом, в основе которого лежит идея истории. Обосновывая самостоятельность и научный характер истории, британский философ приходит к проблематике смысла истории и истинности ее познания.

Ключевые слова: *концепция воспроизведения, априорное воображение, идея истории, абсолютные предпосылки.*

Фундамент предложенной Р.Дж. Коллингвудом программы осмысления истории составляет теория восприятия исторического источника, при формулировании которой автор «Идеи истории» опирается на глубокую проработку этого вопроса в рамках английской школы критической философии истории. Коллингвуд рассматривает посвященные этой проблеме труды Г. Брэдли и его последователей как важнейший шаг на пути перехода от компилятивной истории «ножниц и клея» к истории научной. Критический подход предполагал отказ от характерного для исторической традиции взгляда, лежащего в основе позитивистской концепции исследования прошлого, согласно которому факты представлены в аутентичном источнике в готовом виде. Для Брэдли само установление фактов является проблемой, т. е. факт видится не отправной точкой исследования о прошлом, но именно конечной целью такого исследования [2, с. 64]. С этой точки зрения задачей историка видится не извлечение фактов из документа, подлинность которого предварительно была доказана, но попытка реконструкции, восстановления событий прошлого на основе сохранившихся о них сведений. Для Коллингвуда подобный подход в сочетании с кардинальным расширением понимания сути источника за счет включения археологических данных в сферу исторического исследования означает переход от рассмотрения источника как сообщения о некоем событии, которое может быть истинным или ложным, к его пониманию в качестве свидетельства, которое историк может использовать для решения интересующей его проблемы [там же, с. 69]. Таким образом,

источниковой базой исследования представляется не набор документов, содержащих упоминания того или иного события. Историк сам определяет, какие источники будут релевантны для решения поставленной им проблемы и является ли тот или иной артефакт источником в зависимости от того, какие вопросы он к нему ставит. В этом моменте прослеживается связь с одним из ключевых положений исторической концепции Б. Кроче, также оказавшего влияние на развитие философской мысли Коллингвуда, согласно которому источник не предшествует историческому исследованию, а присутствует в нем только в контексте данного исследования, получая возможность рассматриваться в качестве исторического источника [7, с. 17]. В центре внимания историософской рефлексии английского последователя неогегельянской традиции так же, как и в работах Б. Кроче, полагается субъект познания прошлого, что позволяет сформулировать проблемный подход в качестве методологии исторического исследования.

Опираясь на подобного рода теорию исторического источника, Коллингвуд развивает собственную аргументацию, защищающую автономность исторического познания. Согласно предложенной им точке зрения, история в отличие от естествознания изучает действия (actions), а не события (events). В действиях выделяется две стороны – внешняя, физическая, которая может быть описана в терминах, относящихся к телам и их движению, и внутренняя, которая может быть описана только в категориях мысли [5, с. 203], в то время как события, будучи проявлениями природных процессов, характеризуются только внешней составляющей и никогда внутренней. Под внутренней стороной в данном случае понимается цель, которую преследует субъект действия, т. е. к сфере исторического познания относятся исключительно рефлексивные деяния, целесообразные акты [там же, с. 296]. В этом пункте проявляется определенная эволюция взглядов Коллингвуда. В одном из ранних эссе, озаглавленном «Является ли история и наука различными формами познания?», он выступает против разделения научных дисциплин на изучающие общие законы и историю, изучающую единичные явления, утверждая, что универсальное и единичное есть только ошибочные абстракции, взятые по отдельности два элемента одного конкретного объекта исследования – интерпретируемого индивидуального факта [9, с. 447]. В этом варианте история и естествознание выполняют операцию обобщения, пытаясь охватить индивидуальные явления при помощи научных терминов, философских категорий или специальных концептов. Усматриваемая разница представляется результатом того факта, что естествознание гораздо раньше истории оказывается в поле зрения философской рефлексии. Строго говоря, в дальнейшем Коллингвуда нельзя заподозрить в отказе от подобных взглядов, тем не менее самостоятельность истории утверждается, хотя и по несколько иным критериям. Своеобразие исторического познания, его несводимость к естественно-

научной методологии проявляется, согласно английскому теоретику, постольку, поскольку история интересуется деяниями индивида, именно *res gestae* как проявлением сознательной активности исторической личности. В этом аспекте вновь достаточно явно просматривается влияние Б. Кроче, который призывал мысленно перевоплотиться в неолитического лигура или в травинку в поле, чтобы написать их подлинную историю [7, с. 80]. С позиции Коллингвуда именно то, что акторами истории являются разумные люди, дает возможность познания прошлого таким способом, не прибегая к внешнему описанию и классификации.

Данный ход рассуждений приводит к формулированию тезиса, согласно которому историк, устанавливая факт, одновременно раскрывает причину его происхождения. То есть, отвечая на вопрос, что произошло, историк в то же время отвечает и на вопрос, почему это произошло. Задачей историка представляется проникновение внутрь исторического факта, переход от его внешней стороны к внутренней, т. е, раскрытие мысли исторического персонажа, которая привела к совершению деяния, раскрытие цели этого действия. Такой подход невозможен в естествознании, поскольку у природного явления нет внутренней стороны, нет мысли, которую это явление выражает, по этой причине явление природы может быть объяснено только посредством других явлений – при помощи установления общей связи или закона. В целесообразном акте индивида, который Коллингвуд рассматривает в качестве предмета исторического познания, внешняя сторона являет собой физическое выражение внутренней стороны. Так, действия Цезаря, связанные с форсированием Рубикона в январе 49 г. до н. э., очевидно указывают на нарушение им законов республики в стремлении как можно в более краткие сроки достигнуть Рима с целью заставить своих врагов врасплох [5, с. 203]. Однако несмотря на то, что в приведенном автором «Идеи истории» примере телеология действий римского политика предельно прозрачна, данный подход к анализу прошлого встречал достаточно обоснованную критику. В частности, Уильям Дрей указывает на тот факт, что если утверждение «зная, что Цезарь выступил против своих врагов в Риме, историк уже знает, почему он отдал приказ войскам перейти приграничную реку» является истинным, то утверждение «зная, что Цезарь выступил против своих врагов в Риме, историк уже знает, почему он выступил против своих врагов в Риме» очевидно истинным не является [11, с. 49]. В данном случае знания о том, что произошло отнюдь не достаточно, чтобы ответить на вопрос, почему это произошло. Действительно, с точки зрения Коллингвуда, задачей историка является восстановление на основе сохранившихся свидетельств именно мысли исторического деятеля. Автор «Идеи истории» четко определяет мыслительную деятельность человека, противопоставляя ее другим формам психической активности. Отличительная черта мысли связывается со способностью осознавать деятельность «я» как некое единство,

как деятельность одного и того же «я», сохраняющего свое тождество в многообразии единичных действий [5, с. 292]. Важно отметить, что в отличие от Ф. Ницше, поставившего под сомнение саму основу осмысления субъектности [8, с. 239], для Коллингвуда вопрос о единстве осознающего себя «я» не является проблемой, требующей обоснования. Строго говоря, самосознание полагается отправной точкой, предпосылкой самой возможности осмысления человеком истории. В этом пункте проявляется генетическая связь данной теории с гегельянской традицией, связывающей историческое становление со способностью к рефлексии. Однако если для Гегеля история конституировалась в процессе самосознания, самораскрытия единой, всегда себе тождественной субстанции, то в центре внимания Коллингвуда находится сознание индивидуального историка, что, в свою очередь, снимает проблему субстанциальности истории. Так, английский представитель неогегельянского направления недвусмысленно указывает на то, что развитие наших знаний о мышлении, с чем напрямую связано историописание, неотделимо от развития самого нашего мышления [5, с. 82]. И это неизбежно приводит к утверждению плюральности возможных картин прошлого, создаваемых индивидуальными историками, принадлежащими к различным эпохам или культурным традициям, так как характер исторического сочинения неизбежно определяется самосознанием его автора. Одновременно манифестируется и отказ от гегелевской детерминированности исторического процесса, поскольку историческая необходимость или свобода действий представляется результатом деятельности сознания конкретного индивида [1, с. 63].

Атрибутирование мыслительной активности в качестве проявления деятельности самосознания субъекта в теории Коллингвуда позволяет обосновать возможность и правомочность воспроизведения мысли человека прошлого в сознании историка. Мысль описывается обладающей двойственным характером, как деятельность одновременно непосредственная и опосредованная, или, как это передает М.А. Киссель, субъективно-объективная по своей природе [3, с. 444]. Субъективной она является, поскольку органической частью входит в контекст нерелексируемых переживаний сознания – ощущений, чувств, эмоциональных реакций, т. е. того, что в терминологии философии жизни получило наименование непосредственного жизненного опыта. Но при этом, имея возможность также быть осмысленным, сам акт мышления опосредуется самосознанием, приобретая тем самым объективный характер. Следствием чего британскому философу представляется возможность воспроизведения мысли в другом контексте. Историк может сделать акт мышления человека прошлого частью своего собственного непосредственного потока жизненного опыта. Таким образом, Коллингвуд отделяет предмет исследования истории – мыслительную активность от предмета исследования психологии, к которому относятся непосредствен-

ные, неосознаваемые полностью проявления активности сознания [5, с. 292], хотя он и не останавливается подробно на методологии данной дисциплины, оставляя за рамками исследования вопрос о том, каким образом возможно изучение непосредственной деятельности сознания. Важно отметить, что с точки зрения Коллингвуда, как это демонстрируется на примере воспроизведения мысли Евклида о равенстве углов равносоставленного треугольника, мыслительная деятельность историка тождественна мыслительной деятельности человека прошлого [там же, с. 274]. Если конкретный мыслительный акт, как часть непосредственного потока индивидуального сознания человека, безусловно единичен, то будучи рефлексивно опосредованным, он приобретает обобщенный характер, что позволяет воспроизвести этот мыслительный акт в сознании исследователя. Воспроизводя мысль прошлого, историк познает не нечто индивидуальное, но всеобщее [11, с. 56]. В этом смысле Коллингвуд остается верен своему раннему представлению об истории как дисциплине, производящей операцию обобщения, что вновь вызывает аналогии с концепцией Б. Кроче, согласно которой, философия является интегральной частью исторического познания [7, с. 187].

Выстраивая методологию познания прошлого на основе воспроизведения, восстановления мысли исторического деятеля в сознании историка, Коллингвуд представляет этот процесс в виде диалога. Историческое исследование предлагается развивать в соответствии с «логикой вопроса и ответа». В качестве иллюстрации подобного подхода в «Идее истории» приводится яркое сравнение деятельности историка с процессом раскрытия преступления. Так же, как детективу необходимо на основании сохранившихся свидетельств и улик восстановить картину случившегося, историк должен на основании источников попытаться восстановить ход событий прошлого. И в том и в другом случае к решению главной задачи должна привести цепочка мысленно задаваемых вопросов. Если детектив не в состоянии сразу ответить на основной вопрос: «кто совершил преступление?», то, ставя более узкие и простые вопросы, ответы на которые позволяют найти сохранившиеся улики, он может постепенно подойти к решению главной задачи [5, с. 260]. Возвращаясь к приведенному выше вопросу о том, почему Цезарь выступил против своих врагов в Риме, следует заметить, что самого знания об этом действии безусловно недостаточно, чтобы объяснить его причину. Однако ответить на этот вопрос можно, придерживаясь «логики вопроса и ответа», т. е. ставя более частные вопросы, например: «почему Цезарь вторгся в Италию именно зимой 49 г. до н. э.?», «каким образом его политическая программа вступала в противоречие с политикой сенатской партии?», «почему солдаты армии Цезаря пошли за своим предводителем на Рим?» и т. д. Приводимая Коллингвудом аналогия выглядит еще более показательной с той точки зрения, что детективу, расследующему преступление, так же, как и историку, приходится иметь дело именно с

уже случившимся, т. е. его задачей является восстановление, реконструкция первоначально неизвестного или подвергаемого сомнению хода событий. В этой связи особую значимость приобретает утверждаемая британским философом автономия исследователя прошлого, его независимость от сохранившихся свидетельств. В «Идее истории» подчеркивается, что историк ведет мысленный диалог именно с самим собой, постановка частных вопросов зависит от того, какая проблема поставлена исследователем, а не от того, какими свидетельствами он располагает [там же, с. 265]. Источник помогает ответить на поставленный вопрос, но прежде чем вопрос задан, исследователь не может быть до конца уверен в том, какой именно источник поможет на него ответить и как именно ответ будет найден.

Обоснованная таким образом самостоятельность историка по отношению к свидетельствам, используемым в его работе, является важнейшим аргументом в доказательстве возможности научной истории, которая «исследует проблемы, а не периоды», не включает в себя готовых суждений, но каждое суждение ставит под сомнение, выясняя какое значение оно имеет для решения поставленного вопроса [там же, с. 261]. Метод Сократа в концепции Коллингвуда становится строгой методикой исторического познания. Этой методикой можно овладеть более профессионально или менее, от чего зависит качество проводимого исследования [там же, с. 260]. При этом необходимо помнить, что подобная система познания прошлого с необходимостью предполагает возможность различных путей решения одной исследовательской проблемы так же, как и возможность постановки различных исследовательских проблем в зависимости от интересов индивидуального историка. Британский теоретик истории затрагивает этот вопрос, указывая, что в различные эпохи история рассматривалась с различных точек зрения, и в частности по-разному оценивалась эпоха Средневековья [там же, с. 105]. Но столь же верно будет сказать, что, придерживаясь методики «вопроса и ответа», два разных историка, даже будучи современниками и принадлежа одному обществу, могут ставить разные исследовательские задачи, или же, решая одну проблему, по-разному выстраивать исследования, приходя к отличающимся друг от друга выводам. Сформулированная подобным путем методика позволяет отказаться от принципа описания прошлого «как оно происходило на самом деле», заменяя его принципом, согласно которому историк имеет право на любое высказывание о прошлом, но только в том случае, если он может его подтвердить свидетельством [11, с. 251]. В дальнейшем развитие этой линии осмысления подчиненности данных свидетельств задачам интерпретатора приводит Л. Минка к формулированию концепции, согласно которой факт не может существовать вне контекста интерпретации, вернее, сама интерпретация создает факт в том виде, в котором он воспринимается, нарратив включает в себя факты, определяя их значение [12, с. 5].

Таким образом, предлагая основанную на теории воспроизведения опыта прошлого методике исторического исследования, Коллингвуд отстаивает автономию историка по отношению к предмету изучения, его самостоятельность в плане применения доступных средств познания. Закономерным с этой позиции выглядит вывод о зависимости исторического сочинения от современной его автору ситуации, что до определенной степени сближает данную концепцию с традицией герменевтической философии истории. До определенной степени постольку, поскольку Коллингвуд не рассматривает эксплицитно в рамках своих исследований ключевой в философской рефлексии Гадамера тезис о вовлеченности историка в поток исторического становления. Английский философ в данном вопросе придерживается неогегельянских позиций, говоря о том, что историк изучает не мертвое прошлое, но прошлое, продолжающее жить в настоящем [4, с. 378]. Подразумевая при этом тот факт, что у историка должна быть возможность воспроизвести мысль прошлого, т. е. способы мышления изучаемого периода истории должны быть понятны исследователю, или, другими словами, историк изучает проблемы, которые релевантны его времени. Утверждение принципа, согласно которому история пишется в современной историческую ситуацию, в этом подходе приобретает особую значимость именно в связи с вопросом о методологической самостоятельности исследователя прошлого. Коллингвуд акцентирует внимание на мыслительной активности субъекта как силы, конституирующей познание истории, еще раз подчеркивая, что источник при этом используется в качестве свидетельства, помогающего проведению научного исследования, а не в виде каталога фактов, образующих в своей совокупности ткань исторического становления.

Выстроенная в соответствии с такого рода взглядами философия истории предполагает определенную ограниченность сферы применения методики познания прошлого [10, с. 113]. Мысленному воспроизведению в сознании историка доступны исключительно целесообразные акты конкретных деятелей прошлого. Согласно данной теории, чтобы понять событие прошлого, исследователь должен попытаться восстановить ход мыслей его участников. Предлагая такой способ изучения единичных событий, данный подход в качестве неизбежного следствия ставит вопрос о том, каким образом возможно проследить связь между сингулярными явлениями, выстроить последовательный исторический нарратив. Следует отметить, что Коллингвуд весьма значительную часть своих философских трудов посвящает именно решению проблемы фрагментарности, отрывочности исторического познания. С этой целью, в частности, в его теорию истории включается концепция воображения. В соответствии с мыслью автора «Идеи истории», воображение должно помочь историку заполнить лакуны в рассказах источников, придавая историческому повествованию непрерывность [5, с. 229]. К анализу воображения Коллингвуд подходит, рассматривая его как способность

воспринимать пространственные объекты, т. е. складывать отдельные чувственные восприятия в некое единство, что свидетельствует о приверженности в этом вопросе традиции философской рефлексии, унаследованной от Беркли и Канта. Благодаря воображению мы можем видеть пространственный мир тел, а не «разнообразно расположенное многоцветье» [6, с. 180]. В этом смысле воображение выполняет познавательную функцию, позволяя охватывать воспринимаемый объект как целостность, но, несмотря на это, оно все же остается за пределами деятельности мышления.

Важно отметить, что в рассматриваемой концепции чувства, невзирая на их интенсивность и направленность, сами по себе не являются ни истинными, ни иллюзорными. Только подвергнув восприятие интерпретации со стороны мыслительной активности, человек может определить, какого рода чувства он испытывает. Мысль способна, проанализировав ощущения и восприятия, связать их между собой и с другими чувствами, придя, таким образом, к выводу о причинах, их вызвавших, и об их характере. Эти выводы могут быть истинными или ложными, но сами ощущения по-прежнему остаются тем, чем они и были до этого. Воображаемые же чувства – те, которые вообще не затронуты мыслительной функцией, чувства, по тем или иным причинам не получившие интерпретации [там же, с. 181]. Именно поэтому Коллингвуд использует понятие «априорное воображение». Так, имея сообщения источников о том, что Цезарь в определенное время находился в Риме, а несколько позднее оказался в Галлии, мы, даже если источники об этом не упоминают прямо, с необходимостью должны заключить, что он преодолел путь из Рима в Галлию [5, с. 229]. Если мы зададимся вопросом, как этот путь мог быть совершен, то ответить на него можно, проанализировав сведения о дорогах того времени, средствах коммуникации, принятых порядках передвижения армий и т. д. И это будет более или менее приблизительная реконструкция возможного маршрута Цезаря. Но эта информация не позволит понять, чем Цезарь занимался в это время, с какими людьми встречался, решал ли какие-то вопросы, прямо не относящиеся к галльской кампании. С точки зрения Коллингвуда, здесь просто нет сведений, позволяющих восстановить ход мысли Цезаря, поэтому в данном случае неприменим рациональный анализ, мы не можем дать ту или иную интерпретацию маршрута Цезаря. Мы просто связываем два упоминания о нахождении определенного исторического деятеля в разных местах во временную последовательность, констатируем факт перемещения, в силу его самоочевидности для нашего сознания.

В соответствии с данным ходом рассуждений воображение оказывается за рамками рациональной рефлексии, что тем не менее не означает его произвольности. Вернее будет обратное, именно априорный, доопытный характер воображения позволяет говорить о его обязательности, определенного рода объективности, Коллингвуд особо подчерки-

вает, что воображение – слепо и не может быть целенаправленным [6, с. 207]. То есть априорное воображение связывает события строго определенным образом, исключая противоречивые толкования – зная, что Цезарь в один момент времени был в Риме, а позднее оказался в Галлии, историк может связать эти сообщения, только предположив, что путь из Рима в Галлию тем или иным способом был осуществлен, и никак иначе. Таким образом, в теории британского философа соединяются принцип рационального анализа и априоризм. При помощи мыслительной деятельности историк способен изучить деяния, своеобразные узловые точки познания прошлого, но связать их в единую сеть исторического повествования ему помогает априорное воображение. В итоге выстраивается единая взаимосвязанная картина прошлого, именно сеть, состоящая из отдельных элементов и связей между ними. Картина, которая очевидно не определяется простой суммой свойств ее частей, но представляет собой качественно новое знание, где целостность настолько же зависит от составляющих ее элементов, насколько и элементы зависят от целостности [11, с. 197].

Так, Коллингвуд подходит к проблеме единства истории, возможности универсального взгляда, позволяющего охватить весь процесс развития человечества как целостность. Основание для подобной возможности, по его мнению, дает также априорный подход. Британский философ пишет об идее истории, которая выступает в роли критерия истинности работы историка. Такого рода фундаментальная идея, принадлежащая каждому человеку в качестве элемента структуры его сознания [5, с. 237], полагается предпосылкой, на основе которой развивается деятельность воображения. Реконструкция целостной картины прошлого, выстраивание связей между отдельными событиями оказывается возможным постольку, поскольку в сознании историка присутствует определенное представление о том, какой история должна быть. Это представление не может быть выведено эмпирически, этому никак не способствуют ни данные, полученные из работы с источниками, ни способности воображения, ни профессиональные навыки исследователя. Напротив, сама идея истории – врожденная в терминологии Декарта или априорная по Канту [там же, с. 237] – предшествует всякому опыту, организует его, выступает в роли идеальной модели, которой историк руководствуется в своих исследованиях. Однако постулирование априорной основы универсального измерения истории не предполагает возврата к классической традиции субстанциальной философии истории. Если для Канта идея всеобщей истории подразумевала сущностное единство процесса развития человеческого общества, то, согласно Коллингвуду, фактический материал истории не связан единой линией становления – смысловое единство присуще истории не в силу наличия такого в ткани событий прошлого, но благодаря присутствию в сознании человека идеи истории [1, с. 62]. В некотором смысле здесь можно про-

вести аналогию с ницшеанским восприятием истории как явления, принадлежащего исключительно человеческой реальности. Но при этом важно отметить, что в работах Ницше история рассматривалась в первую очередь как сила, которая, культивируя человека, формирует общество, в то время как для Коллингвуда основополагающим оказывается момент конструирования истории человеком. Более того, если в ницшеанской философии тезис о единстве истории как идее, формирующейся только в сознании человека, приводит к выводу о творческом и произвольном характере историописания, то для британского теоретика укоренение этой идеи на дорефлексивном уровне становится еще одним аргументом в защиту научной истории. В этом смысле работа историка фундируется представлением о воображаемой картине прошлого, благодаря чему обосновывается достоверность достигаемых результатов. Именно на основе такого рода априорного базиса, позволяющего достичь единства и истинности историописания [там же, с. 62], вырастает историческая наука как форма мысли, которая зависит исключительно сама от себя, сама себя определяет, обосновывает и объясняет [11, с. 200]. Утверждая методiku познания прошлого как процесс мыслительной деятельности, напрямую связанный с самосознанием, Коллингвуд при этом выводит за пределы рациональной рефлексии критерий, призванный обеспечить подтверждение результатов исследования. В предлагаемой им теории априорная идея истории полагается тем стандартом, который дает возможность говорить об истинности исторического труда.

Идея истории выступает в роли константы, отталкиваясь от которой, выстраивается познание прошлого. Коллингвуд рассматривает ее как неотъемлемый элемент структуры сознания, осознаваемый каждым человеком с самых ранних этапов развития мыслительной активности. В этом аспекте проявляется определенного рода проблема, поскольку представленная таким образом априорная идея предполагает эссенциальную принадлежность ее сознанию человека. При этом британский философ не анализирует вопрос о том, как идея истории манифестирует себя во времени, а именно как соотносится ее априорный характер с меняющимися с течением времени восприятием прошлого и методами его познания. Так же как им не рассматривается вопрос о том, как возникает само понятие исторического – определяла ли идея истории взгляд на прошлое до формирования греческой традиции историописания, и принадлежит ли она в принципе не европейским линиям интеллектуального развития? Попытаться выйти из возникшего затруднения можно, выразив концепцию априорной идеи истории при помощи понятия абсолютных предпосылок, теорию которых Коллингвуд развивает отдельно. В данном случае в сферу исследования вовлекаются верования и нерелексивные представления, лежащие в основе любого мышления и определяющие, каким способом выстраивается познание. Так, высказыва-

ние: «априорное воображение с необходимостью утверждает факт перемещения Цезаря из Рима в Галлию, если достоверно установлено его нахождение в этих точках в различное время» – предполагает принятие как очевидное, не требующие доказательства представление о том, что один субъект не может находиться в двух разных местах одновременно.

Согласно «логике вопроса и ответа» любое познание представляет собой попытку ответа на вопрос, сами же вопросы определяются предпосылками, нередко они бывают ответами на другие вопросы и определяются в свою очередь более фундаментальными предположениями. Подобная цепь заканчивается абсолютными предпосылками, за которыми уже не скрываются никакие другие [11, с. 140]. Такого рода парадигмальные комплексы могут лежать в основе вопросов, которыми задается исследователь, но они никогда не являются ответами на вопросы [4, с. 360]. Они не могут быть истинными или ложными, поскольку не являются умозаключениями, но сами лежат в основе умозаключений, их нельзя доказать или опровергнуть, поскольку они сами определяют как доказательства, так и опровержения. По этой причине Коллингвуд и называет их абсолютными предпосылками, и по этой же причине их изучение он относит не к сфере истории, хотя и признает их исторический характер, но к сфере философии [там же, с. 360]. Теория абсолютных предпосылок продолжает линию кантианского анализа априорных идей с той разницей, что, по Канту, априорные идеи не имеют истории, являясь трансцендентальными опорами мышления, универсальными категориями структуры сознания, едиными для всех представителей человечества. Абсолютные предпосылки Коллингвуда выступают скорее классом верований, которые не подвергаются сомнению внутри выстроенной на их основе системы обоснованного знания [12, с. 31]. Но они не признаются неизменными, статичными субстанциями человеческого сознания, наоборот, само их изучение подразумевает исследование процесса развития и замены одних предпосылок другими. Применительно к исторической науке это может означать, что развитие методологических и методических подходов к познанию прошлого определяется становлением абсолютных предпосылок различной направленности, актуальных в той или иной степени. Анализ процесса изменения подобных самоочевидных оснований, общих рамок и принципов организации материала исторического исследования [3, с. 435], выходит за рамки непосредственно истории, поскольку нередко они остаются неосознанными для конкретных историков, являясь предметом изучения философии. Таким образом, теория Коллингвуда, в которой важнейшее, можно сказать, центральное место отводится защите принципа автономии исторической науки, признает невозможность осмысления присущими истории средствами ключевого концепта, определяющего структуру познания прошлого. В соответствии с данным подходом, прикладная история, используя доступную ей методику исследования, оказывается неспособна

не только к рассуждению о смысле истории, но и к рефлексивному анализу своей собственной основы, своей методологии. Но с другой стороны, что вероятно важнее наблюдаемой ограниченности истории, коллингвудианский взгляд утверждает ценность междисциплинарной связи истории и философии. Поэтому особое значение придается философской подготовке историка, без которой осмысленное историческое исследование, в котором четко обоснованы методологические принципы и методы, а выводы логичны и последовательны, вряд ли возможно.

Предложенный Коллингвудом проект философии истории отталкивается от критического восприятия исторического источника. Именно фундаментальный сдвиг в понимании того, чем являются те остатки, с которыми работает историк, и что в принципе может свидетельствовать о событиях прошлого, стимулирует поиск новых подходов к осмыслению исторического познания. Что в некотором смысле связывает эту концепцию с герменевтической методологией исследования прошлого, поскольку применение теории понимания и интерпретации текста как основы осмысления истории также предполагает особую значимость источника, его восприятие в качестве интегральной части исторического нарратива, а не коллекции фактов, предсуществующих исследованию. Но если в подходе Гадамера подобное основание приводит к осознанию нерасторжимого единства истории как процесса становления и истории как изучающей его дисциплины, к пониманию того, что прошлое неразрывно связано с настоящим и невозможно иначе, как взгляд на прошлое из ситуации настоящего, то в работах Коллингвуда развивается идея возможности восстановления мысли прошлого в контексте современности. Продолжая гегельянскую традицию, британский философ утверждает самосознание в качестве силы, позволяющей осуществить рациональный анализ событий прошлого. Способность человеческого сознания удерживать объект в поле зрения мышления и одновременно осмыслять саму деятельность мышления, с этой точки зрения, дает возможность историку воспроизвести рациональный опыт исторического деятеля. Задачей историка при этом видится реконструкция события путем восстановления телеологии его участников. Что способствует формулированию чрезвычайно плодотворной идеи проблемного подхода как основы исторического труда и «логики вопроса и ответа» как его методики, без которых сложно представить современное качественное историческое исследование. С другой стороны, такой подход к изучению прошлого уже в момент своего создания ставит вопрос о правомерности используемой методики, о достоверности полученных результатов. Стремясь подтвердить претензии исторической науки на справедливость собственных выводов, Коллингвуд выходит за рамки принципа рационального анализа. Утверждая априорную идею истории в качестве критерия истинности и залога единства создаваемой исследователем картины прошлого, английский представитель неогегельян-

ства лишает историю возможности принадлежащими ей средствами осмыслить саму основу своей методологии. Фактом чего разрушается монополия истории на познание прошлого. И одновременно повышается значение философской подготовки в работе историка, определяющей единственно возможный способ рефлексии о смысле и характере исторического становления.

Список литературы

1. Губман Б.Л. Смысл истории: очерки современных западных концепций. М.: Наука, 1991. 192 с.
2. Киссель М.А. «Критическая философия истории» в Великобритании // Вопросы истории. 1968. № 5. С. 63–75.
3. Киссель М.А. Р.Дж. Коллингвуд – историк и философ // Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. М.: Наука. 1980. С. 418–460.
4. Коллингвуд Р.Дж. Автобиография // Идея истории. М.: Наука, 1980. С. 321–417.
5. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. М.: Наука, 1980. 489 с.
6. Коллингвуд Р.Дж. Принципы искусства. М.: Языки русской культуры, 1999. 328 с.
7. Кроче Б. Теория и истории историографии. М.: Языки русской культуры, 1998. 192 с.
8. Ницше Ф. Воля к власти // Собр. соч.: В 5 т. Т. 4. СПб.: Азбука, 2011. 384 с.
9. Collingwood R.G. Are history and science different kinds of knowledge? // Mind, New series. 1922V. 31. № 124. URL: <https://www2.southeastern.edu/Academics/Faculty/jbell/collingwood.pdf>.
10. D'Oro G. Collingwood and the Metaphysics of experience. Routledge, 2002. 192 p.
11. Dray W.H. History as Re-enactment: R.G. Collingwood's Idea of History. Oxford: Clarendon Press, 1995. 347 p.
12. Turner, S. Collingwood and Weber vs. Mink: History after the Cognitive Turn // Journal of the Philosophy of History. 2011. V. 5, Is. 2. URL: <http://faculty.cas.usf.edu/sturner5/Papers/CogSciencePapers/WebCollingwoodWeberMink.pdf>.

RE-ENACTMENT PHENOMENON AS THE BASIS OF R.G. COLLINGWOOD'S HISTORICAL KNOWLEDGE EPISTEMOLOGY

A.A. Avanesyan

Tver State University, Tver

R.G. Collingwood's epistemology of the past understanding develops the neo-Hegelian tradition of historical thinking interpretation. The opportunity of the past events rational analysis in this perspective should be based on the reflection ability permitting to formulate the «question and response» strategy, as well as problem solving methodology of history. This kind of methodology of history is accompanied in Collingwood's theory by the a priori imagination principle that gives a chance to comprehend the unity of the past understanding, to construct the coherent past narration founded on the idea of history. Thus defending the independent and scientific status of history, the British philosopher approaches the problems of the meaning of history and truth in its representation.

Keywords: *re-enactment doctrine, a priori imagination, idea of history, absolute premises.*

Об авторе:

АВАНЕСЯН Артем Александрович – аспирант кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: timmmuyu@ro.ru

Author information:

AVANESYAN Artem Alexandrovich – Ph.D. student of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: timmmuyy@ro.ru